

- Родилась я в городе Петрограде в 23-м году. Родители мои встретились во время Гражданской войны. Папа был комиссаром полка, а мама была медицинская сестра. Тогда они, значит, познакомились, соединили свои судьбы. Мама была уроженкой города Петербурга, а папа был рижанин. После войны они поженились, папа пошел учиться в военно-медицинскую академию, ну а мама родила одного ребенка, сестру, потом второго – меня. Лучшего человека, чем мой отец – я не знаю. Это особенно врезалось, конечно, в память, потому что в 37-м году его арестовали.

- А до ареста – где вы жили, как жили?

- Мы жили на Мойке, в трехкомнатной квартирке. Папа поздно приходил... Сначала, вероятно, с учебы, потом с работы. Мама не работала, она вела дом. Мама была чудесная рассказчица, она потом пыталась писать что-то. Она владела языком. Она рассказывала всякие истории, сама придумывала сказки. А я ждала, когда папа придет.

- А вы его редко видели?

- Да, он работал и учился, учился и работал. Он мне казался красивым и высоким. Вот, он приходил, я уже стою и жду его. Он меня увидит, подбросит под потолок, поцелует, поставит на пол, потом уже моет руки, и мама его кормит, а я жду, когда же все-таки наступит момент, когда он сможет со мной немножко пообщаться. И он рассказывал мне мифы Древней Греции и другие книги. Родом он был, как я сказала, из Риги, из семьи предпринимателя. Он учился в гимназии, учился играть на виолончели

- Играл вам?

- Нет, ни виолончели не было, ни времени не было, ни навыка не было. Он был участником и революции, с самого 7 ноября, 25 октября. Он был на Гражданской войне – тогда они с мамой и познакомились.

- А мама кто была по профессии?

- А мама была без образования. Только начальная школа. Она была из рабочей семьи, где было десять человек детей. Отец ее был краснодеревщиком, зарабатывал хорошо, так что мог содержать такую большую семью. Ну а мама ее была просто мамой. Моя мать все-таки пошла на фронт. Она кончила курсы Красного Креста и пошла. И познакомилась с моим отцом.

- А что мама рассказывала? Вы говорите, что она была великолепной рассказчицей...

- Ну, она могла придумывать любые сказки, рассказы, все, что угодно. Она рассказывала... пожалуйста, без всяких книг. Нет, сейчас не помню. То есть, конечно, могла бы вспомнить, но... интересные сказки были, она ведь была выдумщица, она была фантазерка. И она придумывала иногда очень интересно, намного интереснее, чем все эти русские народные сказки, которые все по одному образцу. Она сама нам шила одежду, мы были хорошо одеты. Налаженный быт был довольно скромно, конечно, это тридцатые годы. Я 23-го года рождения, сестра 21-го. Сестра была болезненная, поэтому маме очень много времени приходилось уделять ей, а я ждала папу. Я уже стояла и ждала, что он придет – высокий такой, красивый, будет меня подбрасывать к потолку, а потом садится в кресло. Я к нему сажусь и тут начинаются рассказы. Он рассказывал мифы Древней Греции, рассказывал про царя Леонида и всякие такие интересные героические истории, и я сама была боевая девчонка, и никогда не плакала от боли и терпела вот, как всякие эти мифические герои, о которых рассказывал папа. Таким образом он закладывал мой характер, можно сказать.

- А праздники дома?

- А праздники... Праздники были... Ну, вообще советские праздники – 7 ноября, 1 мая и дни рождения.

- А как праздновали?

- Мама пекла пироги, особенно детей не звали – я не помню этого, делали подарки. Всегда утром просыпаешься, если твой день рождения, а у тебя подарок.

- А бабушки?

- Бабушек у нас не было, у мамы мама умерла очень рано – мама была из многодетной рабочей семьи. Она была старшая, ей приходилось очень много делать дома, потому что мама болела. Мама у нее рано умерла. Наша мама о ней такую добрую память сохранила, это как-то грело нас. Ее мама бабушкой не успела стать, она умерла еще до революции. Были у мамы сестры. Одна из сестер, младшая, Елена, красивая была очень, как кошечка, нежная, – она любила так с нами разговаривать, с большими-большими великолепными косами, прямо чуть ли не до пола, белокурыми. А вторая сестра ее была Зоя, она вышла замуж тоже за военного. Жили они тоже в Ленинграде, иногда приходили к нам в гости, поддерживали связи. Для меня, конечно, главный человек, я еще раз говорю, был папа. Потому что, во-первых, он действительно был человеком исключительно ярким. Он знал музыку. Он знал литературу. Он давал мне советы и я им следовала. А потом он мне купил, когда я стала подростком, собрание сочинений Шиллера. И я читала от первого тома до последнего. Я вообще страстная была читательница, запойная. Папа каким-то образом руководил моим чтением. Мама тоже любила читать, она и сама писала. Сначала дневники вела, а потом повесть написала. Мама работать не могла, старшая моя сестра все время болела, мама над нею дрожала, избаловала ее и прямо скажем... выковала не лучший характер. Очень самолюбивый. Она очень любит себя.

- Она болела, очень серьезно, у нее был менингит на дом врачи приходили, ну а кроме того - всякие ангины, она все подхватывала. Бледенькая была такая, на тонких ножечках, и мама все время над ней как птица над своим птенцом вилась. Я, к счастью, была не такая. Меня можно было выпустить одну. Ну, на улицу нас одних не выпускали, мы жили на Мойке, недалеко от Дворцовой площади. Все мои ранние воспоминания связаны с этим красивейшим местом. Там я постигала красоту своего города, я очень хорошо помню – мы играем с сестрой... Зимняя канавка. И вдруг слышу какие-то мужские голоса – прямо на углу идут солдаты. Там, видимо, тренируется [неразб] какой-то, к парадам каким-то, демонстрациям. Я вдруг вижу – какая красота, какая красота, какая площадь, какое это все красивое! Ну, город я действительно очень полюбила, с раннего детства. Потому что наш дом выходил на улицу Халтурина, а вторая – на Мойку как раз против дома Пушкина. Мама нам говорила – здесь жил Пушкин. То, что он тут умирал, она решила нам не рассказывать, потому что она читала нам в это время Пушкина, его сказки и мы так его любили, и нам не хотелось, чтобы он умер. Вот так нас мама знакомила с городом, и так мы знакомились с его красотой, потому что место было совершенно изумительное. До сих пор, я когда там хожу, у меня душа замирает. Ну, а потом папа была военный, он сначала учился в военно-медицинской академии, потом его стали переводить с места на место. Сначала папа поехал в Новочеркасск. В южный знойный город. Мы изнывали, северные девочки от жары. Потом его перевели в Москву. Потом его перевели в Киев. И мы всюду ездили, и так мы, значит, собственно говоря, географию изучали. Киев мы очень любили.

- Он военный врач был. В Житомире, например, он был начальником госпиталя. В Новочеркасске тоже был начальником госпиталя. В Москве он одно время был, он там был заместителем начальника санитарной службы Московского округа. Он был большим начальником у него был один ромб. Теперь это, наверное, генерал, наверное. Папа очень много работал, приходил поздно, а я его всегда ждала. Я была его любимицей, потому я была здоровым живым ребенком, к моей сестре нужно было подходить уже внимательно: как ты себя чувствуешь, а тут, эту девчонку можно было подбросить под потолок и все прочее. Поэтому у нас так было разделение – Мила мамина, Мара папина.

Папу переводили, переводили, переводили. В Киеве было прекрасное место, город мы очень полюбили, во дворе играли с детьми, о Киеве у нас осталось самое прекрасное

мнение, тут и Днепр - в общем, красиво очень. А потом папу перевели в Ленинград. И с 34-го года он уже был в Ленинграде. До самого своего ареста, до 38-го года.

- А у папы были братья-сестры?

- А папы был брат, и была сестра. Сестра как-то приезжала. Но они жили за границей. Тогда Латвия была за границей. Она один раз приезжала, а брат не приезжал. И родители вообще, нет, абсолютно. Связь была... вообще за это даже и папа получал всякие взыскания за связь с заграницей.

- В школу я пошла в Новочеркасске, по-моему. Проходили мы мимо школы, там такая была еврейская школа, которая славилась боевым характером мальчишек. И мы проходили мимо нее всегда такие напряженные. Я принимала бой всегда. Я была боевая девочка и... А сестра нет, сестра была такая робкая, такая... Мальчишки придерутся, можно тихо уйти, а можно ответить. Я отвечала. Потому что я умела драться. Я, по-моему, папе заменяла сына во многом. В Новочеркасске, пошли в школу, потом в Киеве нас отправили в лесную школу-санаторий и там мы учились. Вспоминаю до сих пор с ужасом. Это было зимой, почему-то плохо отапливаемые помещения, почему-то не заделанные щели, я, например, спала на кровати у самой стенки, у двери. И в замочную скважину наблюдала, что происходит на улице. Не заделано даже никак было. Болели очень. Я помню, то насморк, то какая-то даже до экземы на носу были, в изоляторе лежали. Так что Киев я вспоминаю без удовольствия. Единственное, что в Киеве мы впервые в театр пошли, в оперу. В Петербурге мы были маленькие. Мы когда ехали в Новочеркасск, когда мне шесть лет было или семь. А потом вот, когда мы вернулись, мне уже было четырнадцать. Нет, немножко меньше – двенадцать, наверное, или одиннадцать. Вот тут нас начали водить в театр. Какая-то опера была... «Хиранджи» что ли, индийское что-то, красиво было.

- А вообще родители часто ходили в театр?

- Папа был очень много занят на работе. А мама была очень много занята детьми. Хотя в Киеве вот в театре мы, я помню, были, но такой светской жизнью жить не приходилось. Папа очень поздно возвращался. Он бывал или начальник госпиталя, или какого-то там округа, он ездил куда-то, приходил поздно. Я всегда стремилась все-таки дожждаться, когда он придет, но иногда этого не удавалось. А потом нас перевезли в 34-м году нас, наконец, в Ленинград. Мы и в Москве пожил немножко, в Киеве, в Новочеркасске, в Житомире – вот сколько городов было. К моим одиннадцати или двенадцати годам мы, наконец, оказались в Ленинграде. Мы так любили свой город и так, что я иногда даже целовала дом, в котором мы жили. Так радовалась, что мы, наконец, снова здесь. Вот здесь мы ходили в театр.

- А вы вернулись в ту же самую квартиру или нет?

- Нет. Папа же был военным. Тогда – нет. Тогда сначала была у нас не военная квартира. Но папа уехал и все пропало. А потом уже давали папе, как большому такому военному начальнику, он все-таки был, ну, сами понимаете – начальник госпиталя, тут был начальник санитарной части военно-политической академии, такая академия элитная. Так что мы жили в ведомственном доме, военном. Нам давали квартиру. На Таврической улице. Трехкомнатная квартира, комнатки небольшие, но трехкомнатная. Комната родителей, наша и общая.

- А с соседями вы общались?

- Нет, нет. С детьми – да, с детьми – да, а со взрослыми – абсолютно нет. С детьми во дворе. Ну, были там качели, классики

- А тяжело было в школе, что вот все время переезжали, все время менялись школы, друзья?

- Наверное, тяжело, но как-то это воспринималось, как само собой разумеющееся. От нас пятерок не требовали, потому что это было, признаться, невозможно, нам нужно было только влиться в коллектив. Но учились прилично, и школа наша была у Смольного,

такая прекрасная есть школа, пятая школа. Все было очень хорошо поставлено в этой школе.

- Папа была в партии очень рано, я вот не могу точно сказать, как он был, но уже во время Гражданской войны точно был. Наш папа принимал участие даже в штурме Зимнего дворца, он принимал участие в Октябрьской революции.

- А он рассказывал об этом?

- Рассказывал, и я всегда представляла, как бежит мой молодой папа, в шинели. Он был таким очень активным участником. А потом Гражданская война все время, ну а потом вот он военный и все время военный врач...

- А мама была в партии?

- Не знаю. И она не вела образа жизни такого активного, общественного. И как-то не тянулась к этому. Она очень хорошо шила, она нас обшивала, мы были хорошо одеты, хотя в то время особенно ничего не купить было. Мама занималась хозяйством и писала. Она все время что-то писала. Это было ее дело.

- А перед арестом, как вы думаете – папа понимал, что его арестуют? Или что могут арестовать?

- Я не могу, конечно, этого сказать, потому что лично для нас это было абсолютно неожиданное крушение. Потому что папа – лучший из людей, человек, нужный стране, человек, который отвоевал, завоевал эту власть, который ее поддерживал, который воевал, завоевывал ее во время войны – нужнейший человек и тут даже не могло быть и мысли быть никакой. Поэтому вообще когда это произошло, это было... ну как будто бы вот сказали – провалился потолок.

- А соседей арестовывали? Вот вы знали об этом до папиного ареста?

- Об этом абсолютно не знали, может быть, и было, но мы этого не знали совершенно. Наверное, все-таки не думали, и мама с папой, что его могут арестовать. Такого нужного и преданного человека. Об этом речи, разговоров никаких никогда не было. И была такая безмятежная вроде бы обстановка. Это когда его арестовали, как будто бы вот вдруг в нашем городе провалилась земля и мы оказались где-то в тартарары.

- А папины коллеги приходили к вам в гости?

- Иногда, редко очень. Потому что он очень много занят был. Он поздно-поздно приходил.

- А кто у него, кто в гостях бывал?

- Ну, это товарищи по академии, с которыми он кончал когда-то. А так... сказать, что у нас такая была очень... часто гости – нет. Нет, это было редкое явление. Но папин и мамин день рождения – кстати сказать, они родились в один день. В один день они и праздновали день своего рождения. В этот день приходили уже известные его друзья, в основном, друзья еще по военно-медицинской академии, когда он там учился. Вот эти, с этими семьями мы тоже знали. А вообще он был очень занят. Он поздно возвращался, и у него такая работа была, что он действительно за все там отвечал. В общем, очень ответственный был работник и очень ответственно относился. А я всегда все равно старалась дожидаться его, чтобы хоть что-нибудь от него услышать. Когда я была поменьше, тогда он меня сажал на колени и рассказывал мифы. Когда я стала постарше, может быть, он уже и понимал, что что-то происходит, это я не знаю, но тут уже как-то не так все было. Он старался нас водить в театры, в музеи, развивать нас, сам он был очень образованный и интеллигентный человек.

- А арест помните?

- Арест произошел таким образом... Мы спали. Ночь. Поэтому мы утром проснулись и нам сказали – папу увели. Мама была бледная, всю ночь не спала потому что был обыск. Мама спросила, в детскую, – пойдете? Он говорит – нет, не надо. И не пошли. Так что мы об этом ничего не знали. Абсолютно. Просто утром вот от нас увели папу. И все.

- Мама надеялась, но, вероятно, наверное, это был не первый арест, наверное, уже была какая-то волна арестов. Может быть, они уже знали, что такое есть, просто эта тема не обсуждалась? И конечно, сразу мама бросилась там узнавать.... Мы-то, дети, были уверены, что это такая чепуха – нашего папу, лучшего советского человека, который завоевал эту власть, который ее отвоевывал, мы не восприняли это так трагически, мы это считали как какая-то нелепость.

- А папа дома, до ареста говорил что-нибудь о политике вообще? Как-нибудь оценивал власть?

- Я не знаю, знал ли он уже, что тучи сгущаются – это в дом не приносилось. И никаких предвестий для нас не было. Для нас это было столь же неожиданно, как если бы украли солнце. Потому что папа был самый верный человек, нужный для страны, и так далее, и так далее – это такая была нелепость. Я каждый день бежала из школы, думала, что увижу папу, увижу папу, увижу папу.

- А вы с сестрой одинаково восприняли?

- Я не знаю, мы с сестрой вообще разные, у нас разные характеры. Но думаю, что, наверное, она тоже так же восприняла.

- Наверное, мама просто узнала, что его как врага народа, что это чепуха, конечно, что это нелепость. Мы все время ждали, что он придет, и придет веселый, засмеется и будет рассказывать, как перед ним извинялись. И все его не было, не было, не было, не было... Я не помню – о смерти его мы знали или нет... – Нет, наверное. Нет, нет, конечно. Не объявляли. Мы думали, просто...

- Маме стало не на что жить, она была на иждивении мужа, стали уже ходить, комендант, выселять нас из квартиры, потому что это было ведомственное жилье, военное, вот... и к нам приехала тетя наша, мамина сестра, которая жила в Белоруссии, в городе Орше, Зоя Михайловна. Она приехала и нас, двух девочек, взяла к себе. И там они жили значительно не так вольготно как мы. Ее муж был тоже был врач, но рядовой полковой врач. Ибыт был трудный, но молодец она, конечно. И при этом она взяла двух девчонок на свое полное иждивение. У нее была дочка. Наташа. Наша двоюродная сестренка. Чуть-чуть помоложе меня.

- А мама сначала все хлопотала. Все хлопотала, хлопотала, хлопотала. Потом она приехала... переехала к своей другой сестре – тете Зое. Была еще тетя Лена, которую... Она свою семью не завела и жила то там, то там, то у одной сестры, то у другой, мы ее очень любили. И еще была сестра Мария, которая жила в Смоленске. Вот мама туда поехала.

- А почему она не к вам поехала, а в Смоленск?

- Ну, во-первых, и так достаточно было им, в их двух комнатах жили они втроем, и теперь еще мы вдвоем. Поэтому надо это понимать. А она поехала туда к Марии, вот... Но она все ждала отца, она только и делала, что писала письма, письма, письма, письма... И ждала ответов, ждала ответов, ждала ответов и ждала ответов. Потому что, честно говоря, это было до такой степени нелепо, что...

- А как вы с мамой общались? Пока она была в Смоленске, а вы в Белоруссии?

- Ну, во-первых, писали письма, вот, писали письма. Телефонных разговоров не было, тогда телефоны это было редкое явление. У нас в Ленинграде, конечно, был телефон. У нас была хорошая квартира, трехкомнатная, где телефон и все, что полагалось. Папа, он все-таки был такой, крупный военный, он был в чинах, один ромб. Ну вот, а мы жили вот в этой самой Орше, спасибо, дорогая наша тетя, все старалась сделать так, чтобы нам было там так же хорошо, чтобы мы не чувствовали различия между ее отношением к своей дочери и к ней. Я помню, как-то к Новому году она всем нам сделала новогодние костюмы. Меня она, значит, боярышней нарядила, я была круглолицая, розовощекая, с вьющимися светлыми волосами. Сестру она грузинкой... нет, свою дочь она грузинкой – Наташка была смуглая такая, смугляночка. А кем же моя сестра – что-то я забыла. Вот, но во всяком случае у всех у нас были костюмы, и мы веселились от души, и мы все время

ждали, конечно, что вот-вот от мамы известие, что вот они приедут за нами и с папой все в порядке. Самое главное, что мы не верили, что это... мы же не знали, что его расстреляли через месяц после этого, мы бесконечное количество лет все ждали, ждали, ждали.

- С соседями у нас не было как-то отношений, мы жили очень изолированно. К нам приходили друзья папины, и вот одна из маминых сестер тоже жила в Ленинграде, тетя Лена

- В Смоленске мама работала, какая-то канцелярская работа была. В Смоленске она работала. А когда потом она приехала вот уже к нам в Оршу, она просто взяла на себя хозяйство, она делала там все – она готовила, и так все такое прочее. Но мы там не так долго жили, потому что скоро началась война, как известно.

- А война вас застала в Белоруссии?

- В Белоруссии, в городе Орше застала нас война и мы оттуда ушли пешочком. Мы – это я, мама вот туда к нам приехала, сестра моя, моя тетя и моя двоюродная сестра, Наташа. Мы пошли на вокзал. Там нас погрузили в теплушки и повезли на восток. И оказались мы в Воронеже. В Воронеже, все-таки, как жена военного, она получила комнату в доме, где жили военные. Ну а потом мы оказались в Северном Казахстане. Мы не понимали, что будет война. Правда, все время пели – «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов». Пели это все. Но знаете, в юности не хочется думать о таких вещах. Мечтали о новой жизни, о том, как мы в институт пойдем, как поедem, что, может, в Ленинград удастся в институт поступить, и там жить...

- А сестра была в Ленинграде и мы о ней очень волновались, конечно. Потому что она в блокаду жила долго. Потом ее эвакуировали. В Саратов. И мы туда, тогда мы приехали тоже в Саратов, я тоже поступила в Университет в ленинградский в эвакуации в Саратове. На филологический. Вот, это мы уже тогда приехали, когда она в Саратов, тогда и мы в Саратов. Там мы случайно встретились с моей подругой, которая в Орше жила напротив, училась со мной в одной школе, классе и напротив моего дома жила. И мы с ней там встретились. И потом... Ленинградский Университет туда был эвакуирован и мы поступили именно в Ленинградский Университет. И потом уже, когда отогнали немцев немножко, и тогда реэвакуация Университета и вместе с ним приехали в Ленинград и мы. Сестра училась на политико-экономическом. Мама, бедная, с нами ездила уже всюду, куда мы, туда и она. Там она вот была, в Саратове, ей дали комнатку при кубовой и она была кубовщицей. Вот так вот – как-то где-то пристраивалась, болела очень, бледная... она вообще была белокожая, очень нежная кожа, красивая, если раньше просто была бледная, то теперь стала просто белая. Тяжело ей, конечно, было очень.

- Сестра закончила свой политэкономический и осталась преподавать в кораблестроительном институте. Комнатка какая-то была малюсенькая, крохотная. А я закончила когда Университет, то поехала в пригород, Усть-Ижора, есть такое место. И вот там, потому что... жилья-то нет, а там дали комнатенку, маленькую, худенькую, гаденькую, но все-таки, вот... и вот там я... Там я долго проработала. Мама поехала со мной и все время жила со мной. И она была моя иждивенка.

- сестра вышла замуж. Вот, сказать, что это был такой брак по любви – нельзя. Все выходят и надо выйти. И она вышла замуж и родила мальчика, Колю, такой, мальчик такой какой-то такой не очень удачный. Он был очень робкий какой-то такой, трусливенький. Его все время надо было опекать, опекать, опекать, опекать. Потом мама его взяла к нам, в Ижору. С мужем сестра развелась. И тогда мама взяла Колю к себе и он у нас жил. Я преподавала в школе. Сначала была просто учителем, потом еще и завучем, к тому же. Там была большая школа, десятилетка и там было два, по-моему, или три десятых класса, так что это была школа такая очень... заметная. Хорошее помещение, это прежде был какой-то не то дом для дворянского собрания. В общем, хорошая школа – высокие потолки, большие окна. Ну я там сначала была учителем, потом завучем мне пришлось побывать. Ну, с ребятами у меня отношения были очень хорошие, работала я

истово. Ну а мама и Коля там на самом берегу Невы мы жили, вид на Неву, это природа. У нас была большая комната. Двадцатиметровая, с высоким потолком, с двумя большими окнами. Это было очень удачно. Потому что не всегда так попадало. Коля ходил в ту же школу, но он такой был маленький, такой робкий, такой трусливенький, такой... не задира, не забияка, вот, а потом... А когда же это он от нас ушел-то... Я вот не помню дальше-то... Наверное, когда сестра второй раз замуж вышла, что ли, я уж не помню, я вот тут...

- Да, да, да. Тем более мама так это в отшибе все время, мама такая очень светская, а... Но он, по-моему, эту Ижору вот вспоминает как один из лучших периодов в своей жизни. Там он и на лыжах катался, на самом берегу Невы мы жили, красивый вид такой, простор и на той стороне там и в лесопарк ездили, и я помню, там как-то он еще маленький был, классе в четвертом, и вдруг вижу – горища высокая и там сигает мой Коля! Он так это – любил это, и лыжи, и эту природу. Мама, конечно, его баловала, а сестра, конечно, была этим недовольна, но, тем не менее, она была довольна, что сын все-таки где-то. А потом, когда мы уж переехали, я не помню. Мы, по-моему, получили квартиру. Как вот жена репрессированного, как семья репрессированного, по-моему, дали квартиру.

- Вы как к Сталину относились?

- Я говорила всегда – ну вот уже неприлично, когда так хвалят, ну как он может это терпеть? Хвалят и хвалят. Я бы на его месте уже запретила бы это, это же ну как некрасиво... Вот так я относилась к этому.

- И вы это говорили вслух?

- Ну, это говорила, но не выходила я на площадь, а говорила с людьми, с которыми я общаюсь.

- А вообще не было страха?

- Нет, страха не было.

- А у мамы?

- Так мы ж не знали, что уже... вот до тех пор, пока не арестовывали – не было страха, а когда начали арестовывать – стал страх.

- Нет, я имею в виду после ареста папы.

- После папиного ареста? После папиного ареста мы его, Сталина, просто ненавидели, конечно.

- То есть вы понимали, что виноват Сталин...

- Разумеется, безусловно. Мы его просто уже ненавидели. Потому что я абсолютно была убеждена тогда и убеждена сейчас, что отец это было действительно ценнейший человек во всех смыслах. Он был прекрасным работником, он был очень интеллектуальным человеком, он был очень политически образованным, он был просто всесторонне развитый человек. В юности, я говорю, он учился музыке и он нас приучил слушать музыку, приучил нас ходить в филармонию, до сих пор обязательно у меня бывают... обязательно бывают абонементы. И действительно, личность была разносторонняя, умная, остроумная... Читал, музыку понимал, ну, прекрасный был человек. Я вообще до сих пор его ношу в своей душе.

- А когда Сталин умер, вы обрадовались?

- Обрадовались.

- А вы не боялись, что вас арестуют, как семью врага народа?

- Нет, как-то не страшно было. Так стригли, многих людей, глав семей, что, если всех арестовывать, кто за ними, так это никаких не хватило бы лагерей.

- А скажите, у вас в детстве, в юности – какие были герои, кто были герои?

- «Овод», Павка Корчагин... Я и сочинения писала и получала всегда пятерки, о своих героях. Вот были мои герои. Я, когда мне было года четыре, я сказала – я не плачу от боли. И я действительно не плакала от боли, даже когда получила это ужасное ранение.

- А какое ранение?

- Пулевое, сквозное... Я же на фронте была.

- Когда?

- Когда мы учились в Саратове, однажды прибегает наша какая-то студентка – знаете, приехали со Сталинградского фронта военные и набирают, им нужны топографы-вычислители и радисты. Им нужны девушки. И я помчалась к ним, конечно. Сами понимаете, если Павка Корчагин и Овод – это мои любимые герои, вот... то я, значит, помчалась туда и нас, восемь девушек из Университета как раз вот взяли в эту часть. И мы были не где-нибудь, а в Сталинграде. Как раз недавно я тут перепечатывала и все смотрела...

- И долго вы были на фронте?

- Нет, меня ранило и отправили в госпиталь в Саратов. Да. Сквозное пулевое ранение. Так хорошо ко мне отнеслись, когда меня ранили, так обо мне заботились, у меня к моим фронтовым товарищам очень теплое чувство. Иногда, вот несколько раз мы встречались.

- А на фронте как к Сталину относились?

- Ну, за Родину, за Сталина – так. Официально, и все. За Родину, за Сталина. Конечно, там не занимались критикой Сталина, естественно. Да и не время было, как понимаете – все-таки в это время Сталин все-таки был в числе тех, кто воевал с Гитлером.

- А вы были в партии?

- нет. Комсомол – да. В комсомоле я была. Вот, там Павка Корчагин, и другие. Ну вот, а в партию – нет. Комсомол – это другое. Комсомол – это молодежная организация, которая хочет себя отдать стране и так далее. Вот, что такое комсомол. А партия – это правящая партия, которая, собственно говоря, создает правила игры в этой стране. А правила игры – это 37-й год и другое. Тут уже было все иначе.

- Когда из Усть-Ижоры мы вернулись... у сестры уже была какая-то квартира. Там поселились мама, Коля и сестра. А я уехала в Мурманск, зарабатывать себе на кооперативную квартиру, что я и сделала и живу в ней. А когда я вернулась – мама уже умирала.

- Сестра очень человек очень активный, и очень такой общительный. Она стала ходить в ЛИТО, хотя у нее раньше никаких не было дарований и даже там кое-что удавалось опубликовать,

- сестра же училась на политэкономическом факультете, да? А у нее не было проблем от того, что папа был арестован?

- Нет, уже, знаете, это было – дела давно минувших дней и к ним уже, наверное, уже пересматривали даже, уже понимали, что это все... Что такое эти репрессии – уже смотрели...

- На ваше мировоззрение как повлияло то, что папа был арестован?

- Я свои взгляды не изменила, но я стала тверже в них и я... для меня отец до сих пор самый любимый, самый крупный там и значительный человек. И то, что с ним произвели – это на страну налагает такое пятно жуткое. Ведь это же он не один такой. Это же выкашивали лучших людей.

- Во всяком случае, самая, конечно, яркая фигура в моей жизни – это отец. Вот честное слово, я и замуж не пошла. Но, ей-Богу, мелкие мужчины какие-то. Причем, нужно сказать, я как-то недавно сосчитала – у меня было шесть женихов, но один, правда, был женатый. И этот любил действительно и этого я, между прочим, таясь от него, тоже к нему испытывала. Хотя ничем он особенным, вроде бы, не выделялся, был просто очень приятный человек и очень любил. Этим, наверное, он растопил мою каменную душу. У меня была слишком суровая жизнь и, прямо скажем, женихи от меня отлетали. Я их отщелкивала. Потому что я не хотела выходить замуж без любви. А я очень требовательная, наверное.